

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Фридрих
Шиллер**

**Коварство
и любовь**

Мещанская трагедия

Перевод с немецкого
Николая Любимова

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(4Гем)-6
Ш58

**Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

*Перевод с немецкого
Николая Любимова*

Шиллер, Фридрих.
Ш58

Коварство и любовь: Пьеса / Пер. с нем. Н. М. Любимова. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 161 с.
(Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-0466-8

За прекрасной дочерью музыканта Миллера, Луизой, ухаживают одновременно и сын местного президента Фердинанд, дворянин из древнего рода, и секретарь, подлый и хитрый Вурм. И родители, и Луиза отдают предпочтение Фердинанду, хотя родители и опасаются, что знатный дворянин легко может уничтожить честное имя простой мещанки. Но, узнав о том, что у него есть соперник, Вурм настраивает президента, чтобы тот женил своего сына поскорее. Так закручивается целый ворох хитро-сплетений.

ISBN 978-5-4467-0466-8

© Перевод. Любимов Н. М.,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Фон Вальтер, президент при дворе
немецкого герцога.

Фердинанд, его сын, майор.

Гофмаршал фон Кальб.

Леди Мильфорд, фаворитка герцога.

Вурм, личный секретарь президента.

Миллер, учитель музыки.

Его жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинер герцога.

Разные второстепенные лица.

Акт первый

Сцена первая

Комната в доме музыканта.

Миллер *встает с кресла и отставляет виолончель.*

За столом сидит жена Миллера, еще в капоте, и пьет кофе.

Миллер *(быстро ходит по комнате).* Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько

намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству — папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй — и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Жена (*прихлебывая кофе*). Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

Миллер. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится, — о женитьбе тут не может быть и речи, а стать какой-то, прости господи... это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи, — все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку — и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. (*Ударяет себя кулаком по лбу.*) Боже мой! Боже мой!

Жена. Сохрани нас, Господи, и помилуй!

Миллер. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно, — на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас Господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки — готово дело! У него выиграло ретивое,

как все равно у Роднея, когда тот зачует француз, — и пошел очертя голову, и пошел! И... и я его не виню. Все мы люди, все человеки. По себе знаю.

Жена. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи Боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

Миллер. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца — глядь, и тела туда же за ними, — челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый — всего-навсего сводник.

Жена. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам в дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

Миллер (*свистит*). Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется Бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки, — и прощайте тогда крупницы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе говорят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу

в родные палестины, устыдится, что ее отец — скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору... Ну уж нет, накажи меня Бог! *(Вскакивает; в сердцах.)* Скорей, пока не поздно! А майору... да, да, майору... поворот от ворот. *(Направляется к выходу.)*

Жена. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

Миллер *(возвращается и останавливается перед ней)*. Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!.. Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду играть за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку, — вот тебе и не нужно будет торговать красотою твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Жена. До чего же ты неводержан на язык! Закусишь удила — и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится, — ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

Миллер. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент — хороший отец, он еще

будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан, — пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: «Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в полюбовницы — это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер».

Сцена вторая

Те же и секретарь Вурм.

Жена Миллера. А, с добрым утром, господин секлетарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

Вурм. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Жена Миллера. Будет вам, господин секлетарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

Миллер (*с досадой*). Жена, подай господину секретарю кресло! Милости просим, сударь!

Вурм (*кладет иляпу, палку и садится*). Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру... или, вернее; моя бывшая невест... ведь я уже не смею надеяться... Можно видеть... мамзель Луизу?

Жена Миллера. Спасибо за внимание, господин секлетарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива...